

Юрий АРТЕМЬЕВ

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Общечеловеческие ценности (высшие), как правило, подвержены влиянию одной закономерности: судьбы гениальных художников, мыслителей схожи прежде всего в одном - современники их (как пророков в своем отечестве) «не узнают», вследствие этого свою нишу в национальном и общечеловеческом культурном контексте они обретают (зато навсегда) лет через пятьдесят после физической смерти. Такое явление обусловлено самыми разными причинами и обстоятельствами. Судьба народного поэта Педэра Хузангая не стала исключением. «Сорок лет сознательной поэтической работы», писал П.Хузангай в 1964 году, подводя итоги определенному этапу творческой деятельности. Это значит, началом «сознательной поэтической работы» сам Хузангай считал 1924 г., когда ему было семнадцать лет, хотя первые его поэтические творения родились гораздо раньше.

Стремительно ворвавшись в поэзию в середине 20-х годов, Хузангай в ряде программных стихов заявил о себе как о поэте, призванном продолжать начатое Сеспелем. В стихотворении «Ҷсепӗл Мишши чун-хавалне» он клятвенно заявляет:

*Анчах лӑплан, Ҷсепӗлӗмӗр,
Сан ӗмӗтӗ ситӗ,
Чӗнен сассуна илтрӗмӗр,
Вӑл пурне те витӗ.*

Он не раз возвращается к этой трагической теме, в стихотворении «Тӑван поэта» Сеспель и Есенин названы братьями. Хузангай не только оценил первым размах деятельности Сеспеля по разработке теоретических основ национального стиха, но и первым в творческой практике раскрыл их безграничные возможности и одновременно приступил к активной пропаганде наследия забытого поэта.

Элемент харизматичности и мистичности имеет место в датах смерти трех самых выдающихся великих чувашских поэтов. Когда умер К.Иванов, Сеспелю было 15 полных лет. Также Хузангаю было 15 лет, когда ушел из жизни глашатай революции. Это мистическое число, обозначающее поле напряжения пограничной ситуации, не могло быть не замечено Хузангаем, так оно лишней раз тайными нитями связывало его с судьбами двух великих предшественников. Из подсознания, как искру, высек он формулу: «Пӗри сӗнсен тепри ялкӑштӑр». Скульптурно рельефным воплощением идеи преемственности предстают сквозные архетипические образы штормующего моря и корабля, борющегося с девятым валом и устремленного в будущее, (Например, «Ҷсепӗл Мишши Крымра», 1936, «Хура тинӗс лӑпкӑ мар», 1927 и др.). Эта переключка закономерна. Хузангай ощущал себя на том же корабле, провожаемом взглядом дьявола, он и на себе чувствовал его сверлящий взгляд.

*Е яланах вӑл мӗскӗн чӑвашӑн
Ҷав шӑпара-ши талан?!*

Почему трагически коротки были жизни двух первых? Он воспринимает этот факт как роковой, но несправедливый вызов высшей силы.

*Ман чарăнас килмест, хам умён
Иртнисемле, сурма сұлта
Пуриншён те вёсемшён туллăн
Юрласчĕ çăлăннă чунпа*

или:

*Сурма сұлтах типсе-хухса пётем-и?
Ишесчĕ-ха, ситесчĕ ман таҫтах...*

Как говорит Макс Вебер: «Дьявол стар - состарьтесь, чтобы понять его». Иначе говоря, размышляя о природе чувашского гения вообще, Хузангай отмечает загадочный трагизм, пытается раскрыть обуславливающие его «потусторонние» механизмы. В этом, может быть, одна из главных загадок чувашской национальной идеи. В этом контексте вся дальнейшая творческая и личная жизнь поэта предстает как попытка разгадать эту ниспосланную свыше тайну.

Приход Хузангая в поэзию - это тоже ответ на вызовы времени. Да, отголоски революционных событий и гражданской войны еще слышны были, но в постсеселевский период значительно расширилась тематика литературно-художественного творчества. Весьма заметен вклад Хузангая в развитие эпической поэзии, скажем, в 20-30-е годы он создал оригинальные по форме и глубокие по содержанию поэмы «Хури» (1927), «Сирём улттă» (1927), «Юлашки пăлхар» (1930), «Поэтпа миссионер» (1929-1930), «Магнитту» (1933) и многие др. Эти поэмы показали, что Хузангай, несмотря на жесткий прессинг со стороны официальной критики, стал не только блестящим мастером, но и бесспорным лидером в области эпических жанровых форм, шел не только в ногу со временем, но и с некоторым опережением, а потому и неудобен для критики. В этих поэмах автор пытается интуитивно постичь тысячелетние корни, исторические катаклизмы, через которые прошел чувашский народ, он полон веры в будущее нации, культуры, его обнадеживает каждый маленький росток нового. Для Хузангая не было свойственно казенное, карьерно-спекулятивное понимание «социального заказа» (чем гршило большинство его товарищей по цеху), т.к. одаренный художник (тем более в масштабах Хузангая) не может творить без вдохновения, он живет на горних высотах своего идеала.

С 1926 по конец 30-х гг. Хузангай обогатил чувашскую поэзию (и не только чувашскую!) непревзойденными образцами чистой лирики. Этот поэтический пласт до сегодняшнего дня еще не осмыслен и до конца не понят. С целью пополнения творческого багажа и чтобы скрыться от назойливой, не всегда объективной критики, Хузангай, «замороженный» персидскими мотивами Есенина, поехал в Среднюю Азию. «Мне хотелось подышать воздухом Саади и Хафиза, Фирдоуси и Омара Хайяма». «В течение девяти месяцев я колесил по Средней Азии и Кавказу, передвигался на верблюдах, осликах, пешком... при этом зарабатывал на пропитание, нося чемоданы на вокзалах и пристанях, нанимался выбивать ковры, рубить дрова и т.д. Этот романтический порыв поддерживался увлечением горьковскими рассказами определенного периода, сильной личностью в произведениях Джека Лондона («Мартин Иден» был неотлучно со мною»).

Это путешествие пополнило духовный багаж поэта новыми впечатлениями, дало мощный творческий импульс. Образцы лирики

ашхабадского и кавказского периода отмечены свежестью поэтического мировосприятия, мир лирического героя стал значительно шире.

Восток для него - родина далеких предков. В дальнейших поэтических исканиях 20-30-х гг. Хузангай еще больше углубляет синтез знаковых особенностей восточного поэтического мышления (метафоричность притч, элементы сравнения, систему средств выразительности и стилистики) с достижениями русской классической поэзии, при этом его поэзия обретает рельефно выразительные, неповторимо национальные чувашские черты. Таким образом, через восприятие «чужого», восточного и западного, Хузангай шел к себе, обогатив не только собственную Музу, но и всю чувашскую поэзию постсеспелевской поры. Сегодня, после выхода в свет шеститомника, пусть с драматическим запозданием, можно уверенно сказать: высота, заданная Хузангаем чувашской словесности, оказалась другим не под силу. Вот почему чистая лирика Хузангая в 20-30-х гг. не могла быть востребована по ряду причин: во-первых, потому, что официальная критика (и идеология) поощряла изображение классово-борьбы и отражение достижений (как правило, сиюминутных) строительства социализма; во-вторых, недостаток поэтической культуры, традиций собственно литературных, неподготовленность читателей к восприятию чистой лирики привели к тому, что важная встреча поэта с читателем не состоялась, подлинные шедевры хузангаевской лирики не получили и не продолжили свою вторую жизнь в читательском сознании. Жанровые и поэтико-стилевые открытия, достижения Хузангая в области версификации и образотворчества не были освоены, значит, не стали всеобщим достоянием.

Особая тема - уникальный язык Хузангая. Поэт как никто раздвинул границы чувашского языкового пространства, воссоздал яркую, рельефную, вместе с тем полную драматизма картину чувашского мира. Но гибкость языка, его мощь и красота проверяются прежде всего не в сюжетных и эпически событийных полотнах, а в интимной камерной лирике, там, где нужно передать невыразимые, тончайшие чувства и нюансы, внутреннее движение души, переливы красок. К сожалению, этот удивительный, безмерно богатый язык Хузангая, перелопатившего «тысячи тонн словесной руды», не стал языком всей чувашской поэзии. Беда в том, что живой, индивидуальный авторский язык невозможно постигнуть, изучая правила. Если Хузангай мог заявить: «Чувствовал всегда эстафету Сеспеля в руке», то впоследствии (в 30-е и последующие десятилетия) рядом с ним не оказалось конгениальной поэтической личности. Это одиночество он все более остро будет ощущать и в послевоенные десятилетия, вместе с тем оно накладывало на него суровые обязанности бесспорного лидера, ответственного за судьбу культуры.

Поэзия Хузангая набирала высоту от книги к книге, после выхода раннего сборника «Уяртсан» (1928) он издает такие циклы-шедевры: «Хура пёркенчĕк», «Кăнтăр кĕввисем», «Мерчен тумлам», «Савни» и другие. И, пожалуй, циклом стихотворений под названием «Тилли юрисем» (II полов. 30-х годов) Хузангай обозначил высшую точку расцвета всей национальной поэзии, с этой точки зрения даже уникальный роман в стихах «Аптраман тавраш» преимущественно предстает как дальнейшее, в решающей степени горизонтальное расширение пространства поэзии, освоение небывало крупного эпического жанра. Тилли - носитель лучших черт чувашского национального характера, он - плоть от плоти народа. Заслуга Хузангая главным образом в том, что он в зеркале мировосприятия отдельной личности или художественно обобщенного типа сумел вместить целостный космос бытия чувашского народа, т.е. далекое прошлое и современность, мир внешний и внутренний, глубоко затаенный. Это ценности, созданные и пронесенные сквозь века народным

духом, разумом, памятью. Пронзительный талант поэта проник в глубинные колодцы «коллективного бессознательного» (по выражению Фрейда) чувашского народа, из них он черпает неувядаемые ценности, краски, идеи. Тилли молод и одновременно наделен сократовской мудростью.

Для стариков есть разум у меня.

Для девушки - глаза полны огня.

Цикл стихов «Песни Тилли» несет на себе яркий национальный колорит. Вместе с тем лучшие стихи этого цикла отмечены печатью высокой художественности и классического совершенства. Они достойно заняли место в одном ряду с лучшими образцами мировой лирико-философской поэзии. Тем не менее, эти гениальные творения не могли быть востребованы в конце 30-х годов, они должны были ждать своего часа, поэту приходилось писать в стол. Более того, Хузангай в 1938 г. по ложному обвинению был арестован. Критическая масса накапливалась в течение десяти лет - к имени талантливого поэта навешивали разные ярлыки, в литературно-критический обиход были введены зловещие слова: «хузангаевщина», «враг народа», «юманщина», «вандерщина», один литератор, сексот по совместительству, печатно назвал Хузангаю даже «фашистским поэтом». Материалы следствия и судебного заседания показывают, что Хузангай, несмотря на жесткий прессинг, никого не предал, вел себя достойно, высокий интеллект позволил ему «переиграть» сторону обвинения. В частности, на обвинение в увлечении поэзией “богемного” поэта Есенина он привел разящий факт о том, что имя русского поэта включено в число нескольких десятков лучших писателей мира. Судья вынужден был вынести справедливый вердикт.

Эти страшные дни навсегда запечатлелись в памяти поэта, в стихотворении «Инçетри тусăмсене» (1940) он мысленно обращался к сокамерникам-друзьям:

Каçарăр, алă параймарăм:

Нумайăнччĕ эсир ун чух...

Чун тĕпĕнче ман пысăк парăм,

Вăл нихăсан татăлас сук.

Мана та тўрĕ тăратса

Ўршер сехет сывăрттармарĕс,

Ўксен – тăратрĕсĕ тапса.

Сын тутă чух эп те пĕр тапхăр

Кышларăм кирпĕч сивĕре.

Анчах нихăсан та, никама та

Сутмарăм эп хама çăлса.

Еще одно нечеловечески тяжелое испытание, которое выдержал Хузангай, - это война. В апреле 1942 г. поэт отправляется на фронт, он защищает Сталинград. Мы можем только мысленно представить, какое чувство обиды мог он носить в душе, человек, способный возглавлять штаб крупного воинского подразделения или быть политруком высокого ранга, храбро воевавший при этом в звании всего лишь рядового. Но Хузангай верил в судьбу, в свое предназначение (“Шанатăп хамăн çăлтăра, шалти сутта кăна шанатăп, ахалĕн мар вăл ялтăрать сĕрле те, ир те, кăнтăрла та”).

Мы должны говорить и о благоволении судьбы к поэту. В 1944 году в боях за освобождение Польши Хузангай был тяжело ранен, после длительного лечения в госпитале летом 1945 года он возвращается на чувашскую землю.

Поэзия Хузангайя послевоенной поры по ассоциации напоминает мощное полноводное течение реки с прозрачно чистой водой. Это не только крупномасштабная эпика «Аптраман тавраш», над которой поэт работал с 1941 по 1954 год. Это также поэмы: «Здравствуй, Пушкин» (1937-1949), «От петухов до петухов» (1948), «На земле предков» (1951), «Владимир Маяковский» (1958), «Мать» (1961), «У Сергея Есенина» (1968) и др. Крупными достижениями всей чувашской поэзии явились кавказский, румынский, болгарский циклы, а также «Вздыбленные волны», «Чувашия - родина моя», «Пульс времени» и др.

В 1950 году Хузангаю было присвоено почетное звание народного поэта Чувашии. В 1967 г. он стал лауреатом Государственной премии им. К.Иванова, а в 1970 году - премии М.Сеспеля. Это было заслуженное признание народом подвижнического труда своего талантливого сына. В лучших стихах этого периода поэт сумел выразить сыновнюю любовь к земле чувашской, волжским просторам, неброской природе родного края. При этом лирический герой Хузангайя глубоко чувствует неразрывную связь своей малой родины с необъятной Россией. В творчестве Хузангайя мы сталкиваемся с таким явлением (уникальным), как качественное накопление или ценностно-смысловое обогащение национального начала за счет иноязычного, «чужого», а то и универсально-общечеловеческого. Общеизвестно, что национальная культура не может обогащаться и развиваться абсолютно за счет собственных ресурсов и только из себя, на собственной основе. К тому же Хузангай, в отличие от так называемых неразмысляющих патриотов, глубоко осознавал, что не всякое национальное начало обладает качеством прекрасного (красоты) - стержневой категории эстетики. Хузангай - диалектик, он хорошо знал, что у культур есть внутренняя потребность наводить смысловые мосты друг к другу, т.е. мы говорим о диалоге культур. Но в диалог вступают отдельные личности, как правило, наиболее одаренные таланты. Поэтому эта миссия стала делом всей жизни великого поэта. Хузангай неустанно расширял связи и контакты с представителями культур народов Европы, Азии, Латинской Америки и даже Африки. При этом знакомил дальних и близких друзей с достижениями чувашской культуры. В оценках и признаниях многих выдающихся художников разных культур (П.Тычина, М.Рыльский, Ян Судрабкалн, Ламар, Ангел Тодоров, Мустай Карим, Кайсын Кулиев и др.) Хузангай предстает в ряду самых крупных поэтов XX века. Отправляясь в дальние поездки, на встречу с друзьями, налаживая новые связи, поэт осознавал себя посланцем национальной культуры, земли чувашской (чăваш çĕрĕн элчи!). Он как никто много и целенаправленно переводит разноязычных поэтов на чувашский язык, например, в 6 том «Собрания сочинений» поэта включены переведенные произведения 70 с лишним поэтов разных национальностей. При этом перевод отмечен, как правило, печатью таланта требовательного и высокой поэтической культуры.

Лишний раз подтверждая слова Евтушенко - «поэт в России - больше чем поэт» - Хузангай с чувством ответственности исполняет депутатские обязанности, много времени и сил отдает работе в секретариате Союза писателей России, неустанно ездит по стране и в зарубежные страны. Из каждой поездки привозит новые циклы стихов, поэму, очерк. С возрастом все чувствительней беспокоят фронтовые раны. В воспоминаниях поэт рассказал о том, что сидел в одиночке и вышел оттуда полуслепым. А в поэме «Мать» (1961) есть такие строчки:

*Эп сан сунла ситеймёп: сывлăх урăх...
Пёртен-пёрӹ – пулмарăм йăх асси,
Таса юнна суратрăн, сирӹп турăн,
Хамран килетчӹ пуль упранасси.
Хамран-ши? Ах, апла кăна пулсассăн!
Анчах санталăк тӹрлӹ саврăнать:
Хăш чух, ирпе хӹвел йăл-йăл кулсассăн,
Кăспа сип-сивӹ сумаӹр ярăнать...*

Как видим, трагические события конца 30-х годов для поэта не прошли бесследно. Уроки НКВД отразились драматически не только на творчестве Хузангая, но и на развитии всей чувашской поэзии. В тех же воспоминаниях он пишет: «Время показало, каких жертв нам стоило становиться на горло собственной песне, как мы обкрадывали себя». Если двадцатилетний поэт громко заявлял:

*Никам умӹнче те хам пуса
Ытлаши усмастăп та йăтмастăп,*

– то зрелый Хузангай уже не позволял себе «вызовов» и вольностей. Стихи 60-х годов наполняются актуальным, социально насыщенным содержанием, дышат гражданским пафосом; много времени отнимают злоба дня, юбилеи, календарные события и т.д. И все меньше времени для лирических стихов для души, для «тихой» поэзии. Он неусыпно следит за состоянием современной поэзии, публикует критические обзоры, предъявляет авторам высокие требования. В публицистических статьях и очерках Хузангай неустанно актуализирует поиск чувашской национальной идеи, беспощадно бичует национал-нигилизм и беспамятство многих соплеменников («Хама хам неснайски»), его сверхзадача: «Тăван йăха тата кăшт хăпартасчӹ» («Хушка хумсем»).

У Хузангая есть стихотворения и поэмы, в которых он языком и средствами публицистики вторгается непосредственно в реальную жизнь культуры, затрагивает острые проблемы историко-литературного развития, нередко преследуя цели литературной критики, а подчас и высказывая неожиданно резкие выпады против последней. Конечно, литературная критика, не поспевавшая за ходом изящной словесности, а чаще всего занимавшаяся решением не свойственных ей проблем, вместо беспристрастного анализа и оценки литературных произведений первостепенную задачу видевшая в «воспитании» авторов, недопущении «идейных ошибок» и «шатаний», сплошь и рядом давала поводы для контр-выпадов, была весьма уязвима. Хузангай насквозь видел слабости литературной критики, но свое несогласие с ней, ответ своим оппонентам выражал в поэтических произведениях. Здесь можно выделить открытое письмо Юману под названием «Чувашскому рассказчику сыну Педэра, Мэтри Юману, от «мелкобуржуазного поэта» Хузангая» (1930). Эта оригинальная жанровая форма, введенная в литературный обиход Хузангаем, представляла собой небольшое лиро-эпическое произведение, позволяющее автору публицистически остро, порой прибегая к приему уничижительной сатиры, а также тонко иронизируя, набрасывать общую картину современного литературного развития, царящую в писательской жизни атмосферу, даже размашистыми штрихами давать лаконичную оценку творческим и личностным качествам отдельных писателей. Но что примечательно: за этим, казалось бы, скорописным и мимолетным, несколько игривым стилем кроется пронзительно

точная оценка значимости творений каждого писателя, максимально высокое требование к каждому, нередко, опубликовавшему лишь одно произведение. Хузангай перечисляет имена молодых поэтов с «красным оттенком», чьи несостоявшиеся стихи не раздражают критику и поддерживаются ею за «актуальность» темы. Автор не склоняет голову и перед авторитетом старейших поэтов - Шелеби, Шубоссинни... Произведения последнего, на его взгляд, годятся только для музея. Наличие печати таланта отмечается в творениях С. Эльгера, В. Митты. А вот каким видит Хузангай уровень развития литературной критики и как она справляется с поставленными перед ней задачами:

Вёт критикёмрсем

(Хăвăр пĕлетĕр)

Ĕмĕртенпех

Тăсаççĕ пĕр юрра:

- Чăр-чăр...

Шимп-шимп... -

Сăмси пурин те сарă,

Мĕнле аман паран -

Çавна хыпать.

Сравнение критикующей братии с желторотыми птенцами заставляет вспомнить известные строчки Пушкина: «У нас, у чувашей, критики нет...» Но дальше Хузангай, иронично отозвавшись о примитивном уровне чувашской критики, сам критический жанр назвал вторичным («пурне те тивĕç мар мухтавлăх, хай – “пулă курмана – шурпи те пур”»), паразитирующим на подлинно художественном творчестве.

Подобные выпады Хузангаю не прошались. Отвечая поэту, отдельные критики поспешили навешивать на него новые ярлыки; дескать, кулацкие литераторы объединяются, перекликиваются, хотят притормозить ход строительства социализма. Кстати, сам выбор адресата для «открытого письма» Хузангаем был далеко не случаен. Юман был не только талантливым писателем, но и закаленным политическим бойцом, крупным общественным деятелем. В известном смысле, это была легенда: переписывался с Л. Толстым, лично был знаком с М. Горьким и пользовался его поддержкой. Поэтому подтекст «открытого письма» прозрачно намекает, что в чувашской литературе над общим уровнем возвышаются только две фигуры - М. Юмана и П. Хузангая. При этом молодой поэт, чувствующий свою силу и осознающий свое особое место в становящейся национальной литературе, обращается к проживающему в столярной Москве известному писателю, представителю старшего поколения словами: «Я вам расскажу, как обстоят дела в республике».

В стиле Хузангая неизменно присутствует ирония, нередко переходящая в сарказм. Этот элемент стиля органично присутствует не только в «Открытом письме», но и во многих поэтических творениях Хузангая. Эта тема требует специального, глубоко научного рассмотрения. Хотел бы здесь выделить поэму «Шелеби шерепи» (1936), которая по жанру и особенностям стиля очень близка «Открытому письму». Поэма прежде всего значима с точки зрения смешения жанровых форм, в частности, в ней важное место занимает критическая оценка состояния чувашской литературы середины 30-х годов.

* * *

Одна из важнейших, так сказать, сквозных тем в творческом наследии П. Хузангая - это чувашское начало, т.е. национальное мировидение, чувашская психология, склад души, если выразиться несколько обобщенно - мир чуваша

(как внутренний, так и внешний). Но в те времена, когда необходимо было в характере человека нашего общества показывать общесоветские, сформированные социумом черты и особенности, поиск национального был, по известной причине, заранее обречен. По крайней мере, это подтверждается теми дискуссиями, которые проходили на нашей памяти. Тем более, уроки НКВД, судебный процесс 1939 г. не могли не сказаться в творчестве Хузангая - он стал более осторожным, сдержанным в высказываниях, а приклеенный к имени поэта во второй половине 20-х годов ярлык «националиста» долгое время еще продолжал (по инерции) зловеще отражаться на судьбах последующих поколений чувашских литераторов. Одно можно с уверенностью констатировать: зрелый Хузангай уже не позволял себе «вызовов» и вольностей, которые столь характерны для его раннего творчества. В ранние годы поэзия для него действительно в значительной степени была «игрой». В более узком кругу единомышленников, т.е. тех, кому доверял и в ком видел талант, Хузангай открыто обсуждал проблемы национальной культуры, языка, истории и будущего народа. В письмах, на подписываемых автографах поэт нередко на не очень броском углу вставлял две буквы: «ЧЧ», что означало «чăвашсем, чăмăртанăр» (чуваша, сплывайтесь!). «Прозелитско-интернационалистски» ориентированные критики-официозы и стукачи из среды литераторов, двусмысленно пожимая плечами, задавали как будто провокационный вопрос: против кого нужно объединяться, против русских? Между тем Хузангай эту мысль позаимствовал у Сеспеля («Чăваш чĕлхи ячĕпе пурте пĕр пулар!»), т.е. во имя чувашского языка (а не против кого-либо!) объединимся! Ведь только культура (ее главный признак - развитый язык) способна объединять людей; паспорта, указывающего на национальность, или кровного родства - недостаточно.

Или, скажем, в обиходе мы используем понятие «чувашская идея». Что это значит? Ее суть выражается в необходимости осмыслить накопленный нацией (народом) на протяжении веков чистый продукт философско-эстетической мысли (своеобразный экстракт) с целью определения путей дальнейшего продвижения на историческом пути.

Поиск «чувашской идеи» П. Хузангай начал в начале 20-х гг. прошлого века. Тут, в определенном смысле, можно говорить о географии этого поиска, она расширяется быстро, динамично. Начинаящий автор видит себя крестьянским поэтом, для него самое дорогое на свете - «малая родина», Сиктёрме. Здесь сосредоточен весь небольшой еще жизненный опыт, наблюдения...

*Ёнер сес ялтан килсе эп халё
 Сухатман уй-хир сăн-сăпатне.
 Каçсерен ман сăмрăк чун хавалё
 Ăнтăлать йăмралă çăл патне.*

*Сийёмри кёпе ман пыр сыххиллё,
 Хёвел евёр хёп-хёрлё кёштек.
 Хула час а̀на ак тытса илё,
 Сухана та тёрлемёс тек.*

*Анчах сав хулан тискер культурё
 Тыткăна илмешкён сес пёлет.
 Вăл Сергей Есенина тёп турё,
 Вăл тёп турё пирён Сеспёле...*

(Книга "Уяртсан", "Ответ").

Но тут же в другом стихотворении («Сыру») признается: *“Шупашкарăм иккĕмĕш анне пек туйăнать халь маншăн тĕнчере”*.

Таким образом, поэта раздражают противоречивые чувства, но здесь прослеживается и некая игра, опьянение есенинскими мотивами, его лирически исповедальными строчками. Вслед за своим кумиром, чувашский поэт городскую жизнь оценивает как неизбежное зло. Хотя он уже стал довольно известным из молодых (*“Часах пĕлĕс сан ывăлу камне, – чăвашсен урăх сук ман пекки”*) или *“Эпĕ вĕт, аппаçăм, паллă сăвăç”*, а в Шубашкаре, на зеленом бульваре, красавицы о поэте распускают слухи и небылицы, лирический герой Хузангая часто еще жалуется на трудную бесприютную жизнь, безденежье, зависть недоброжелателей и т.д. Это вот как раз тот короткий период времени, когда юноша переживает богемные настроения. Почему до безумия сильно увлекся Хузангай поэзией Есенина? Уверен, лирические шедевры Хузангая остались совершенно не понятными современникам, за исключением небольшого числа поклонников... Я думаю, что это - долг будущих поколений! Необъективная оценка поэзии Хузангая 20-х гг. была спровоцирована и теми стихами, в которых на поверхности видны буквальные совпадения, переложения, переводы, реминисценции... Да, было подражание, но глубинное влияние Есенина и его подлинные результаты не были поняты и осмыслены. Хузангай учился у русского поэта искусству выражать живые чувства, непосредственные переживания, и это ему удалось. Близка была и деревенская тема. В то время как у Маяковского Хузангай (чуть позже) «заимствует» форму стиха (но не поэзии). Поэзию Есенина Хузангай воспринимал как своеобразный наркотик.

Нельзя забывать при этом, что русскоязычная читательская аудитория Есенина знала уже поэзию Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Фета, Некрасова и многих других, но, тем не менее, коммунистическая идеология и ему вынесла однозначный приговор и оторгла от пути, по которому бодро шли строители социализма. Не случайно на судебном процессе, состоявшемся в 1939 году, Хузангаю инкриминировали «порочную» связь с творчеством Есенина. Но сам Хузангай еще в начале 30-х гг. публично высказался (правда, в косвенной форме) по поводу добровольного ухода Есенина из жизни, заявив, что это - не лучший выход. В стихотворении «Эхмин çакансан» у Хузангая есть печальные строчки:

*Пера тытсассăнах çак эпĕр
Тухасшăн чаплă сăвăçа?
“Эп лирик” тетпĕр те пĕтетпĕр...
Культурлăх кирлĕ. Çавă çав.*

К теме Есенина Хузангай еще раз возвращается и как бы подводит некоторые итоги в поэме «У Сергея Есенина» (1968):

*Пурне те халь аса илсесĕн – Эта тема требует
Чĕрринсенчен чи малтанхи особого, глубокого
Эс тиврĕн чĕрене, Есенин, Ум стала очень близка
Сана тавснийĕм. Яланхи.*

Таким образом, Есенин и его лирика для Хузангая явились своего рода взлетной площадкой, именно отсюда начинается он свой путь в Баку, Ашхабад, в то же время сожалеет, что не удалось добраться до Шираза и других мест Персии, столь дорогих Есенину и воспетых им.

Тему «чувашское и универсальное» в поэтическом сознании Хузангая

можно рассматривать на нескольких уровнях. Скажем, по мере расширения географии поездок Хузангая расширяется тематика его поэзии. Но все-таки это поверхностный, второстепенный «слой». Гораздо важнее проникнуть вглубь и вычленил философскую составляющую этого феномена. Так вот Хузангаю, уже освоившему плацдарм собственной национальной литературы (поэзию К. Иванова, М. Сеспеля и еще нескольких...), жизненно важно было расширить этот плацдарм, и он впитывает незаменимо целебные соки русской поэзии. Одновременно он, пожалуй, первым осознает, что чувашская поэзия как можно быстрее должна вернуться к своим истокам, забытым традициям Востока. Тут и татарские поэты, Омар Хайям, высокие образцы вечно молодой восточной поэзии, то есть все то, чего не имела чувашская литература. Это те плоды, которые также должно приносить когда-нибудь древо чувашской поэзии. Первый после Сеспеля по степени одаренности поэт за короткий период времени в процессе необычайно напряженного труда переплавил “тысячи тонн словесной руды”, при этом в состав чистого сплава вошли как традиции русско-европейской поэзии, так и восточной культуры. И это мы называем хузангаевской энциклопедичностью.

Особый вопрос - бытовая, личностная культура Хузангая. Это для него было важной составной частью общей и профессиональной культуры. Здесь он до конца своих дней оставался образцом и вполне земным идеалом интеллигентного человека. Высочайшая требовательность к себе и окружающим, бескомпромиссность создавали вокруг него особую ауру и атмосферу.

Отношение к чувашскому, собственно национальному у Хузангая было трезвое. В своих размышлениях о чувашском характере, особенностях национального мировидения поэт нередко приходит к горестным выводам (стихотворения «Пути-дороги», «Письмо»). Или вспомним посвященное Сеспелю “*Ҫил шӑхӑрат*”, где почти риторично звучат строки: «*Е яланах вӑл мӑскӑн чӑвашӑн ҫав шӑпара-ши талан?*» (1926 год!). Но, пожалуй, еще большим драматизмом наполнена до сих пор шокирующая строчка: «*Ма тесессӑн... выльӑх-ха чӑваш*». Здесь поэт говорит не о собственно скотском начале или образе жизни (нечистоплотность, грязь и т.д.), а о безмолвии народа (в пушкинском смысле!): «*чӑлхессӑр январ*». По мнению Хузангая, даже Сеспелевский набат не смог разбудить чувашский народ! Иметь язык, воскресить язык для Хузангая - смысл всей жизни, творчества («*йӑлтах эл ӱкерессӑн пултӑм чӑрӑлекен чӑлхем ҫине*»).

Расширение творческого горизонта, неустанный поиск и овладение общечеловеческими ценностями, культурой, не в последнюю очередь через изучение восточной и западной литературной классики, к середине 30-х гг. позволило Хузангаю по-новому осмыслить собственное кредо и сформулировать новую творческую сверхзадачу. Это был важный этап в его жизни. В 1934-1937 гг. он создает бессмертный цикл стихов «Песни Тилли» и покоряет новые вершины искусства слова. Вчитываясь и перечитывая эти песни, вновь и вновь убеждаешься, что национальное содержание - это не тема, а философия, мысль, чувства, переживания, глубокое проникновение в человеческую душу, наконец, отношение к добру и злу.

Уроки Хузангая современны. Кажется парадоксом, что Хузангай чем глубже черпает из национального родника, тем больше достает оттуда общечеловеческих ценностей. Повторяю: не примитивные реалии, атрибуты старины или броскую экзотику с ярким национальным ярлыком. Если нет таланта - спекуляция на теме не вывезет! Бесплезны и самостийные плакаты, лозунги. Они в лучшем случае могут объединить часть толпы.

Хузангай остерегал своего читателя и от другой крайности - от увлечения поэзией, которая без национального колорита, аромата напоминает дистиллированную воду. Такая поэзия ценится на Западе, поскольку этот тип цивилизации связан с неизбежными последствиями нивелировки национально неповторимых черт и особенностей.

И, в завершение, несколько слов о двух общечеловеческих типах поэзии (поэта) - *аполлоническом* и *дионисийском*. В чувашской поэзии также имеют место отмеченные типы, или начала. Скажем, Константин Иванов и его поэзия воплощают в себе реальные черты аполлонического начала, в то же время Сеспель - поэт дионисийского типа.

Хузангай же - аполлонист, поэт гармонии и света, а вот в поэзии Ухсая явно доминирует дионисийское начало. Здесь показательно и то, что Ухсай почти не занимался переводами. Для людей, знавших поэта близко, этот вопрос звучит риторически. Хузангай же с помощью переводов, путешествий, знакомств постоянно расширял свой поэтический мир. Тяга к людям, жажда встреч со все новыми и новыми культурами, народами, обычаями есть черта, органически свойственная для поэтической и гражданской личности Хузангай-аполлониста. Он - поэт уникально высокой культуры.

Так же и алмаз: без шлифовки и тончайшей обработки он не становится вещью культуры.

■

Отношение к чувашскому, собственному, поэтическому миру Хузангай-аполлониста. В своем поэтическом творчестве Хузангай-аполлонист не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его. Он не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его. Он не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его. Он не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его.

Расширение творческого горизонта, неустанный поиск и овладение общечеловеческими поэтическими категориями, выявление острейших проблемной и эстетической культуры, выявление острейших проблемной и эстетической культуры, выявление острейших проблемной и эстетической культуры.

Уроки Хузангай-аполлониста. Кажется, я уже говорил, что Хузангай-аполлонист не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его. Он не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его. Он не только не отказывается от своего национального колорита, но и активно использует его.